

Н. Г. САМАРИНА

РОСТОВ И ЯРОСЛАВЛЬ

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ИЛИ КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ?

Обращение к городскому тексту диктуется стремлением осмыслить город как целостное символическое пространство. В исследованиях В. Н. Топорова и Ю. М. Лотмана понятие городского текста подразумевает две сферы городской семиотики: пространство и имя. В современных исследованиях текста Ростова и Ярославля обнаруживаются сферы памяти и времени. Методология, позволяющая проследить событийность и эволюцию города в контексте прошлого, настоящего и будущего как целостный процесс, диктует проективный подход.

Ключевые слова: *городской текст, имя, пространство, время, память, проект.*

Одним из приоритетных направлений современных наук о культуре является изучение гипертекстов, в том числе так называемых городских текстов. Обращение к проблеме диктуется изменениями в национальном самосознании, приведшими к желанию осмыслить город как категорию культуры, как целостное символическое пространство. Начало изучению городского текста было положено работами Н. П. Анциферова¹, посвященными исследованию образа Петербурга. Анциферов был последователем экскурсионного метода в изучении истории городов, предложенного И. М. Гревсом. Увидевшие свет около 80 лет назад работы Н. П. Анциферова положили начало изучению города как живого организма. Постигая «душу» города, ученый изучал воздействие города на судьбы людей. Составляя своеобразные экскурсии-очерки, Анциферов разработал научно-поэтический творческий метод. Исходной парадигмой стал Петербургский текст как сложное многоуровневое построение, имеющее провиденциальный смысл для всей русской культуры. В Петербургском тексте выделены под-тексты «Петроградский» и «Ленинградский», в качестве объектов анализа которых выступают явления принципиально различного порядка (контексты эпохи, индивидуальные картины мира; культуротворческие течения и др.). Современная российская культурология идет по пути преимущественно экстенсивной (горизонтальной) текстовой экспансии: вслед за «Петербургским» – «Московский текст», «Северный текст», «Пермь как текст», «Самара как текст», «Венеция как текст», «Лондонский текст» и т.д.

¹ Анциферов. 1991; Анциферов. 2009.

Наиболее полно проблема исследования структуры «городского текста» как явления вербальной культуры была поставлена в статьях В. Н. Топорова и Ю. М. Лотмана². Понятие городской текст было введено в научный оборот и теоретически обосновано академиком Топоровым в 1973 г. в работе «О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления».

Городской текст – это то, «что город говорит сам о себе – неофициально, негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки. Эти тексты составляют особый круг. Они самодостаточны: их составители знают, что нужное им не может быть передоверено официальным текстам “высокой” культуры. <...> Срок жизни этих текстов короток, и время поглощает их – сразу же, если сказанное не услышано и не запомнено. <...> Лишь немногие классы этих текстов могут рассчитывать на годы, десятилетия или даже столетия существования. <...> Но скоротечность жизни подобных текстов в значительной степени уравнивается тем, что время не только стирает тексты, но и создает и репродуцирует новые, так или иначе восстанавливающие учитываемые образцы, или же если эти тексты, хотя бы и не вполне адекватно, успевают быть схвачены на лету литературой»³.

Исследователи выделяют две конститутивные сферы городской семиотики: *город как пространство* и *город как имя*. Понятие городского текста возникло на стыке таких взаимосвязанных понятий, как текст и пространство⁴. Будучи замкнутым пространством, город выступает в двояком отношении к окружающему его миру. Говоря о городе как о пространстве, современные исследователи дифференцируют два типа: концентрический город и эксцентрический. Город, занимающий концентрическое пространство, – это город на горе, город, не имеющий конца, – «вечный»⁵. Это своеобразная модель вселенной, прообраз небесного града. Эксцентрическое положение города характеризуется его расположением на краю культурного пространства. В основание такого города заложено противостояние природы и человеческих деяний, что вызывает к жизни цикл городской мифологии, в центре которой лежит идея обреченности города. Здесь культурная сфера и стихия находятся в вечном противоречии. «...Концентрические структуры тяготеют к замкнутости, выделению из окружения, которое оценивается как враждебное, а эксцентрические – к разомкнутости, открытости, культурным контак-

² Топоров. 1984. С. 3–29. Лотман. 1984. С. 30–45.

³ Топоров. 1995. С. 368.

⁴ «Концепт – это не объект, а территория. Именно в этом качестве он обладает прошлой, настоящей, а возможно, и будущей формой». Делез, Гваттари. 1998. С. 131.

⁵ Лотман. 1992. С. 9.

там»⁶. В русской литературоведческой традиции Москва отнесена к городам концентрического типа, а Санкт-Петербург – к городам эксцентрического типа. Существуют также города, сочетающие в себе два архетипа: они характеризуются двойной трактовкой, двойной перспективой, рассматриваются как вечные и в то же время обреченные, для таких городов «наличие истории является непрямым условием работающей системы. В этом отношении город, созданный “вдруг”, мановением руки демиурга, не имеющий истории и подчиненный единому плану, в принципе не реализуем»⁷.

«...реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в генератор новой информации. Источником таких семиотических коллизий является не только синхронное соположение разнородных семиотических образований, но и диахрония: архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого. Город – механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность сопологаться с настоящим как бы синхронно»⁸.

На основе исследовательского опыта можно сформировать структуру городского текста⁹, которая включает: расположение города в пространстве; городскую топонимику; городскую инфраструктуру; промышленность и торговлю; транспортную систему; архитектурные сооружения; локусы (структурные части города); достопримечательные и памятные места и события; городское население; замечательных горожан; городскую мифологию; городской фольклор.

К сожалению, невозможно назвать работы, в которых были бы представлены все структурные части городского текста, но анализ публикаций продолжающихся музейных изданий древнейших русских городов позволяет не только представить итоги изучения текста города, но и сформулировать новые теоретические подходы к его интерпретации. Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль» с начала 1991 г. издает сборники «История и культура Ростовской земли» (по 2010 г. включительно увидело свет 19 сборников), представляющие материалы одноименной конференции. Начиная с публикации материалов конференции 2003 г., в сборниках появляется рубрикация. К числу постоянных рубрик принадлежат: История музея. Музейные коллекции;

⁶ *Топоров*. 1995. С. 271.

⁷ *Лотман*. 1992. С. 13.

⁸ Там же. С. 13–14.

⁹ *Самарина*. 2010. С. 82.

Письменность; История. Этнология; Искусство. Архитектура; Археология. Непостоянные рубрики: Сохранение культурного наследия; Источниковедение¹⁰; Краеведение; К 160-летию со дня рождения А. А. Титова.

В анализируемом продолжающемся издании нами было выявлено 113 статей (18% общего количества публикаций), посвященных культурному тексту Ростова и Ярославля. Общая постановка проблемы – «*город как память*». Преобладает традиционный подход к материалу, ориентированный на изучение истории и топографии города, городских архитектурных памятников и декоративно-прикладного наследия.

А. Л. Каретников рассматривает две гипотезы происхождения названия Ростова, финно-угорскую и славянскую, отдавая предпочтение последней¹¹. Вл. В. Седов¹², А. Е. Леонтьев¹³, Т. Ю. Субботина¹⁴ и другие создают полноценную реконструкцию процессов строительства земляной крепости XVII в. Яном Корнилием ван Роденбургом, хозяйственного освоения и сохранности укреплений под влиянием хозяйственных и антропогенных факторов, формирования планировки города в XVII-XVIII вв. по документам писцовых описаний, делопроизводства воеводской канцелярии, Генерального межевания, этимологии топографии Ростова по материалам археологических и сравнительных исследований, эволюции ростовской архитектурной школы. Традиционно, в русле искусствоведческого подхода, рассматривает проблему текста ростовской иконописи и ее историко-художественного контекста В. Г. Пуцко¹⁵. Он считает, что назрел вопрос о европейском контексте русской иконописи, имеющий прямое отношение к памятникам, происходящим с обширной некогда Ростовской земли. Речь идет вовсе не о прямых контактах русских мастеров с Западом, но об усвоении ими того течения, которое возникло в искусстве Византии в результате крестовых походов. Византийский опыт не пустил глубоких корней, и занесенные образцы подверглись самой радикальной адаптации. Автор отмечает тенденцию к пересмотру установившихся суждений, к расширению охвата памятников на основе их исторического бытования в пре-

¹⁰ Рубрика «Источниковедение» может объединяться с рубрикой «Письменность» или содержать статьи, посвященные анализу только письменных источников, что не соответствует современному пониманию предмета как музейного источниковедения, так и источниковедения культуры.

¹¹ Каретников. 2007. С. 60–69.

¹² Седов. 1991. С. 17–20; 1993. С. 198–203; 2001. С. 114–119.

¹³ Леонтьев. 1995. С. 36–41; Леонтьев, Самойлович, Черных. 1996. С. 3–7.

¹⁴ Субботина. 2005. С. 176–182; 2006. С. 436–442; 2007. С. 5–14; 2008. С. 43–51; 2009. С. 98–105.

¹⁵ Пуцко. 2005. С. 257–270; 2007. С. 238–245.

делах Северо-Восточной Руси, с включением новых открытий. Убедительность достигается не только умением построить типологический ряд, но и вписать его в общую схему развития.

В сборнике «История и культура Ростовской земли» ставится проблема идентификации и самоидентификации горожан. Е. И. Сазонова¹⁶ исследует мир вещей ростовского обывателя первой половины XIX в. (домашний скарб, носильную одежду, иконы), погружается в сложный мир повседневности доходного дома и его обитателей. «Начиная с середины XIX столетия и вплоть до 1917 г. доходный дом становится определяющим для культурно-бытового облика города. Он влияет не только на его внешнее лицо, но и на содержание внутренней жизни горожан. Изучение городского быта этого отрезка времени во всем его многообразии невозможно без исследования доходного дома как особого типа городского жилища и особого образа жизни его обитателей»¹⁷. Изучив 28 домов Ростова, владельцами которых являлись ростовские мещане, автор показывает, что доходный дом был зеркалом городской жизни: каждый доходный дом жил своей особенной жизнью, он не был настолько велик, чтобы его жители не знали друг друга, они были связаны не только общим двором, но и общими коридором, террасой, кухней, туалетом, между ними складывались определенные взаимоотношения.

Е. И. Крестьянинова¹⁸, долго накапливавшая источники по генеалогии ростовского купечества, рассматривает купечество XIX в. как городскую субкультуру со сложившейся ценностной, психологической и поведенческой структурой. Автор приходит к выводу, что наиболее распространенной была большая составная семья, строившаяся на патриархально-авторитарных отношениях, предусматривающая иерархию и строгое разделение ролей по половозрастному признаку; существовал приоритет общих семейных интересов над индивидуальными; воспитание и образование было исключительно домашним, а включение детей в коммерцию – ранним; отмечаются разнообразные интересы и культурные потребности, не связанные с торговым делом.

Системное исследование антропогенного фактора в сохранении и актуализации архитектурно-градостроительного наследия Ростова провел А. В. Иванов¹⁹. Автор считает, что Ростов Великий является показательным примером отечественной ситуации с участием жителей в со-

¹⁶ Сазонова. 1993. С. 153–162; 1994. С. 130–138; 1996. С. 185–193; 1997. С. 127–136.

¹⁷ Сазонова. 1997. С. 136.

¹⁸ Крестьянинова. 2001. С. 177–185; 2004. С. 281–291; 2005. С. 191–204 и др.

¹⁹ Иванов. 2000. С. 87–93; 2001. С. 237–242.

хранении наследия и развитии городской среды. «Предпринимаются разнообразные попытки привлечь внимание государственных и международных инстанций к проблемах их сохранения и спасения (включение в престижные списки памятников мирового значения, разработка инновационных градостроительных документов и т.д.). здесь имеется достаточно мощный интеллектуальный потенциал – художники, сотрудники музея, священство возрожденных монастырей и т.д. Однако выйти из глубокого кризиса, в который город попал в начале 1990-х гг. вместе с большинством малых исторических поселений России, Ростову пока не удается. Продолжается, в частности, деградация обширного комплекса градостроительного наследия (упадок рядовой исторической застройки, разрушение многих памятников архитектуры, опасное подтопление территории и т.д.). Почему так происходит?»²⁰. Причины автор видит в экономической слабости города и большинства горожан, в нехватке специалистов, способных работать на современном уровне городского менеджмента, неготовности социума к активным действиям, пассивности по отношению к процессам формирования городской среды.

На развитие города направлены два проекта: традиционно исходящая из центра, ориентированная на сохранение наследия и подъем экономики Федеральная целевая программа «Возрождение и развитие Ростова Великого» и курируемый Комитетом культурного наследия Совета Европы, привлекательный по социальной и локальной нацеленности «Пилотный проект для г. Ростова Великого». А. В. Иванов предлагает пути вовлечения ростовцев в деятельность по возрождению города, организующим центром которых мог бы стать Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль»: просвещение публики по разным аспектам культурного наследия (*heritage education*), разработка специальных карт, путеводителей, общедоступных баз данных по наследию, комплексного муниципального атласа (*cultural mapping*), создание информационного центра, аккумулирующего и распространяющего сведения о наследии Ростова, и городской Интернет-страницы, приобщение граждан к созданию краеведческой экспозиции филиала ГМЗРК в бывшей усадьбе Кекиных на улице Покровской. Важно пробудить и усилить «чувство места», закрепить историю города в человеческих судьбах и в личностном восприятии городской среды.

В 2000 г. А. В. Иванов обратился к участникам конференции «История и культура Ростовской земли» (ростовцам) с просьбой заполнить анкету «Мой Ростов», задуманную как продолжение ростовского цикла

²⁰ Иванов. 2001. С. 237.

социолого-градостроительных исследований. Существенно методологическое обоснование программы опроса. Во-первых, Иванов формирует понимание городской среды как многослойное и многопоколенческое, включая в него не только застройку и памятники, но и людей – живых и ушедших субъектов этой среды. Во-вторых, ставится проблема городской идентичности как необходимости формирования собственных культурных смыслов города. В-третьих, обозначается проблема градостроительного аутизма как отсутствие прямого контакта и обратной связи с горожанами в процессе разработки, утверждения и реализации градостроительных проектов. И наконец, проблема «спящего» социума, пассивности людей по отношению к жизненной среде.

Понимание культурной памяти как живой связи между поколениями, трактовка городского текста в динамике подводят нас к теоретическому пониманию семиотики города не только как имени и пространства, но как *памяти и времени*. Такое содержательное наполнение мы усматриваем в публикациях, посвященных Ярославскому тексту.

О. И. Добрякова и Д. Ф. Полознев ставят проблему «событийности» в культуре русского средневекового города, делая акцент на источниковедческом аспекте. Под фактом социокультурной хроники они понимают «то, что было зафиксировано и отразилось в памятниках эпохи и в местной традиции как событие, достойное сохранения в памяти, имевшее смысл для современников и оказавшее влияние на их сознание, определившее культурный и духовный облик города»²¹. Авторы выделяют три типа фактов: события, отрефлексированные современниками, как факты, достойные внимания и фиксации; события, зафиксированные в источниках без указания на то, что таковыми их воспринимали и оценивали современники; события, хотя и зафиксированные в источниках, но оцениваемые и описываемые как события историографом. С точки зрения полноты исторической картины признается значение всех трех типов фактов. Уровнем обобщения фактов может быть картина мира горожанина, которая, по материалам ярославского городского прихода XVII в., включает такие элементы, как: пространство и время в представлениях ярославцев, в том числе сакральную топографию города; представления о прошлом, настоящем и будущем; веру, отношение к жизни и смерти; отношение к церкви, высшему и приходскому духовенству; представления о власти, ее институтах и о соотношении духовной и светской власти; пребывание горожанина в микросоциумах (семья, приход, город); отношение к книге и грамоте и т.п.

²¹ Добрякова, Полознев. 2004. С. 260–267. (С. 262).

Наиболее выпукло проблема времени как характеристики городского текста поставлена в статье Д. Ф. Полозневым²². Анализируя проект празднования 1000-летия Ярославля под девизом «Древний город, устремленный в будущее», он призывает обратиться к осмыслению человеком пребывания в пространстве культуры, т.е. к проблематике *genies loci* и метафизики города, считает, что Ярославль в контексте современных социокультурных практик следует интерпретировать как проект, включающий такие характеристики: наличие замысла, целенаправленность, целостность, ограниченность во времени, инновационность и неповторимость, коммуникативность, адаптивность к внешним условиям. Современное проективное мышление требует видение будущего, в связи с чем, применительно к связи времен в городском тексте, возникают вопросы: Инструментом решения каких задач был город на протяжении своей истории? В чем был смысл его существования как человеческого сообщества, как локального социума? Что особенное и неповторимое дал Ярославль мировой и отечественной культуре? Была ли его миссия предначертана в изначальной истории города? Отвечая на эти вопросы и призывая к осторожности в оценке потенциала и «продуктивной силы» ярославского «культурного слоя», Полознев формулирует несколько социокультурных оснований, которые позволяют рассматривать Ярославль как проект. Во-первых, город был основан ростовским князем Ярославом, который имел в виду будущее назначение города как крепости для защиты подступов к столице Ростову и оплота христианизации края. Во-вторых, основание города обращено к традиции основания городов как знаков власти и имени. В-третьих, правление первого ярославского губернатора А. П. Мельгунова вызвало к жизни проективную трактовку истории основания и дальнейшего развития города (при нем было записано сказание о построении града Ярославля, проведена перепланировка с ведущим мотивом перспективы улицы). В-четвертых, включение центра города как памятника культуры в список всемирного наследия ЮНЕСКО ставит Ярославль в ряд выдающихся городов-символов мировой цивилизации. И наконец, «Ярославль – первый по-настоящему *провинциальный* город в образе страны: он и находится внутри, в освоенном ядре территории <...>, и по своему ландшафту – провинция в терминологическом смысле»²³.

Анализ публикаций продолжающего издания Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» позволяет сделать выводы,

²² Полознев. 2006. С. 410–423.

²³ Каганский. 2001. С. 472–473. Цит. по: ИИКРЗ. Ростов, 2006. С. 416.

обогащающие сложившееся в исследовательской литературе представление о городе как тексте культуры. Отчетливо прослеживаются характеристики города не только как имени и пространства, но как памяти и времени. Музейные исследования выходят за рамки вербальной источниковой базы, порожденной филологическим подходом к городским текстам, и позволяют получить представление обо всех его структурных элементах. В качестве методологии, позволяющей проследить событийность и эволюцию города в контексте прошлого, настоящего и будущего как целостный процесс, может рассматриваться проективный подход.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга [Репринтное воспроизведение изданий 1922, 1923, 1924 гг.]. М.: Книга, 1991. 328 с.; 104 с.
- Анциферов Н. П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / Предисл. Н. В. Корниенко; сост., послесл. Д. С. Москвоской. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 584 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия. М.-СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
- Добрякова О. И., Полознев Д. Ф.* «Событийность» в культуре русского средневекового города: источниковедческий аспект (по материалам историко-культурной хроники Ярославля XVII в.) // История и культура Ростовской земли (далее – ИИКРЗ). Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 2004. С. 26-267.
- Иванов А. В.* Ростовский кремль в системе представлений жителей Ростова Великого о городском центре (по результатам социолого-градостроительного исследования) // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 2000. С. 87-93.
- Иванов А. В.* Ростов Великий: возможности участия населения в сохранении архитектурно-градостроительного наследия // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 2001. С. 237-242.
- Каганский В. Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001. С. 472-473.
- Каретников А. Л.* Ростов – название славянского поселения X в. // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 2007. С. 60-69.
- Крестьянинова Е. И.* К вопросу о традициях и особенностях субкультуры ростовской купеческой среды в 60-х годах XIX в. (по письмам С. А. Кекиной) // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 2001. С. 177-185.
- Крестьянинова Е. И.* К вопросу об особенностях и традициях субкультуры ростовского купечества в 50-е гг. XIX в. (по дневнику Анны Маракуюевой) // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 2004. С. 281-291.
- Крестьянинова Е. И.* К вопросу о традициях и особенностях субкультуры ростовской купеческой среды в 1840-е годы (по «Записям» А. Л. Кекина) // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 2005. С. 191-204.
- Леонтьев А. Е.* Некоторые данные о топографии Ростова X-XIV вв. (по материалам археологических исследований) // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 1995. С. 36-41.

- Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г., Черных Н. В. Частные аспекты хронологии Ростова (по результатам дендрохронологического анализа материалов археологических раскопок) // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 1996. С. 3-7.
- Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Тарту: изд-во Тартуского ун-та, 1984. Вып. 18. С. 30-45.
- Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 2. 478 с.
- Пуцко В. Г. Иконы XIII-XV вв. из Ростовской земли: проблема историко-художественного контекста // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 2005. С. 257-270.
- Пуцко В. Г. Ростов в истории русской культуры // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 2007. С. 238-245.
- Сазонова Е. И. Мир вещей ростовского обывателя I пол. XIX в.: «домашний скарб и носильная одежда» // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 1993. С. 153-162.
- Сазонова Е. И. Ростовские каменщики и кирпичники в XVII-XVIII вв. // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 1994. С. 130-138.
- Сазонова Е. И. Мир вещей ростовского обывателя XIX века: домашние иконы // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 1996. С. 185-193.
- Сазонова Е. И. Доходный дом и его обитатели (по материалам города Ростова) // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 1997. С. 127-136.
- Самарина Н. Г. Науки о культуре. М.: МГПИ, 2010. 132 с.
- Седов Вл. В. К вопросу о ростовской архитектурной школе XV-XVI вв. // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 1991. С. 17-20.
- Седов Вл. В. К вопросу об одной типологической группе в архитектуре середины XVI в. // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 1993. С. 198-203.
- Седов Вл. В. Земляная крепость в Ростове // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 2001. С. 114-119.
- Субботина Т. Ю. Выпись по посадским землям Ростова из собрания А. А. Титова // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 2005. С. 176-182.
- Субботина Т. Ю. Планировка «города» в Ростове середины – второй половины XVIII в. // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 2006. С. 436-442.
- Субботина Т. Ю. Писцовая книга города Ростова 132 (1623/24) г. // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 2007. С. 5-14.
- Субботина Т. Ю. Приходно-расходная книга Ростовской воеводской канцелярии за 1761 г. // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 2008. С. 43-51.
- Субботина Т. Ю. Окладная книга Ростовской воеводской канцелярии 1761 г. // ИИКРЗ. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 2009. С. 98-105.
- Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Труды по знаковым системам. Тарту: изд-во Тартуского ун-та, 1984. Вып. 18. С. 3-29.
- Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. 623 с.

Самарина Наталья Гурьевна, кандидат исторических наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Московского гуманитарного педагогического института; samarina_n.g@mail.ru